

Публичная дипломатия Китая: защита или нападение?

© 2013

С. Кривохиж

Публичная дипломатия является эффективным инструментом для достижения внешнеполитических целей Китая. В статье рассмотрены задачи, которые стоят перед ней на современном этапе.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая» сила, Китай.

Усиление роли Китая в мире повлекло за собой небывалый подъем интереса к этой стране» как среди отечественных, так и иностранных исследователей: огромное количество работ посвящено экономическому потенциалу, политической системе, социальному развитию и военной мощи КНР. Безусловно, анализ этих параметров важен и не утрачивает своей актуальности, но в условиях развития информационных технологий и расширения возможностей влияния на иностранную аудиторию не менее важным является изучение «мягкой силы» и публичной дипломатии страны. Несмотря на то, что эти понятия были сформулированы и стали активно использоваться сравнительно недавно, их по праву можно считать неотъемлемыми атрибутами государства, претендующего на статус великой державы. Неудивительно, что в Китае, количество исследований, посвященных этой теме, увеличилось с шести работ в период 1990–2002 г., до 2925 работ всего лишь за четыре года в 2008–2011 гг.¹ На достижение каких целей ориентирована публичная дипломатия КНР? Каковы перспективы развития политики в данном направлении? Ответы на эти и другие вопросы помогут лучше понять, куда движется Китай в своем развитии.

«Мягкая сила» с китайской спецификой

Исторически сложилось так, что западный мир прежде никогда не рассматривал Китай как значимого фактора мировой политики. Как заметил, ведущий научный сотрудник Центра азиатских исследований Университета Гонконга Гань Ян в своей лекции в Университете Цинхуа (Пекин) «...в Библии нет ни слова про Китай. Гегель полагал, что мировая история закончится триумфом немецкой цивилизации, Фукуяма в своем «Конце истории» просто заменил Германию Америкой»². Действительно, после распада Советского Союза делались различные предположения о дальнейшем развитии мировой системы: от торжества западного либерализма до столкновения христианской и мусульманской цивилизаций, а в итоге мировому сообществу пришлось иметь дело со стремительным усилением одного из крупнейших государств Восточной Азии с древней историей и уникальной культурной традицией. Вполне естественно, что усиление страны, отличной по образу мышления, политической и культурной традиции, породило огромное количе-

Кривохиж Светлана Валентиновна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: sve_kri@mail.ru.

ство тревожных предположений и прогнозов относительно ее дальнейшего развития. Более того, непродуманная и даже агрессивная политика КНР в начале 1990-х гг. (события на Тяньаньмэнь, активность в спорных территориальных водах, тайваньский кризис 1995–1996 гг.) усилила это негативное впечатление. Неслучайно в этот период на Западе появилась так называемая «школа китайской угрозы», основные идеи которой основываются на тезисе, что Китай, как некогда Япония и Германия может стать серьезной угрозой миру на земле³. Имидж Китая как непредсказуемого, опасного актора достаточно быстро прижился в умах исследователей, в средствах массовой информации, а следовательно, и на уровне обывателя. По оценкам китайских исследователей, более 90% информации, распространявшейся в США о Китае в тот период, имело негативную окраску⁴. Негативное отношение не могло остаться незамеченным и в Китае. В 1996 г. вышла книга, которая быстро стала бестселлером: «Китай может сказать нет»⁵, авторы которой подвергли критике новое поколение китайцев, перенимавшее западные ценности и совершенно забывшее про свое историческое наследие, и обвинили США в том, что те сделали КНР «козлом отпущения» за их же собственные грехи. В условиях неприязни со стороны многих стран мира и растущего недовольства таким положением дел внутри собственной страны руководству КНР было просто необходимо разработать прагматичную стратегию поведения, позволявшую эффективно реализовывать первоочередные задачи политики модернизации: развитие экономики, науки и технологий, улучшение качества жизни населения, налаживание партнерских отношений с соседними странами.

Осознание того, что путь агрессии и конфликтов не только не приносит желаемого результата, а наоборот, препятствует развитию, стало первым шагом к новой политике. В 2005 г. Ху Цзиньтао в речи по случаю годовщины победы во Второй мировой войне заявил: «История показывает, что любые попытки стран реализовать свои интересы с помощью угроз или силы, или поставить свои интересы выше других ни к чему не приведут. Такие попытки противоречат развитию человечества и фундаментальным интересам всех людей мира»⁶. В том же году идея о построении гармоничного мира и совместного процветания была озвучена китайским лидером на юбилейном саммите ГА ООН⁷, а на саммите АТЭС в 2005 г. в Южной Корее тема сотрудничества, мирного развития и взаимопомощи стала лейтмотивом обращения китайского лидера к коллегам⁸. В выпущенной в 2006 г. Белой книге о политике в отношении Африки также сделан акцент на том, что «Китай как самая крупная развивающаяся страна мира придерживается политики мирного развития <...> Китай готов налаживать дружеские отношения со всеми странами на основе «пяти принципов мирного сосуществования» ради мира, стабильности и совместного процветания»⁹. Таким образом, упор на сотрудничество и мирное совместное развитие не только стал одним из основных акцентов в выступлениях официальных лиц, но китайские политики стали и на практике демонстрировать немислимый для предыдущих поколений прагматизм. Идеология перестала играть определяющую роль в построении отношений с другими странами.

Немалую роль в переориентации на такую политику сыграли многочисленные исследования китайских ученых, в результате которых был сделан вывод: *важное значение в деле поддержания мощи той или иной нации играет так называемая «мягкая сила»*. Эта концепция, предложенная и разработанная американским исследователем Джозефом Наем, предполагает, что государство, помимо использования жестких методов воздействия (экономические санкции, военные действия), должно опираться и на «мягкую силу», в число основных элементов которой входят: 1) культура, способная вызвать интерес у массовой аудитории; 2) привлекательные политические ценности (внутри страны и вовне); 3) легитимная внешняя политика (действия данного государства должны обладать моральным авторитетом среди других государств)¹⁰. Другими словами, «мягкая сила» — это «мощь и влияние, которые появляются у государства, когда остальные участники симпатизируют его культуре и ценностям»¹¹.

Идея американского исследователя заинтересовала китайских интеллектуалов и руководство еще и потому, что она «выглядела как современное развитие суждений древних мудрецов Поднебесной»¹². Например, один из главных принципов древней внешнеполитической доктрины Китая предполагает, что «при взаимодействии с «варварами» основной упор следует делать на «всеблагое влияние императора и только в исключительных случаях на применение силы»¹³, а в трактате «Мэн-цзы» (IV—III вв. до н. э.) «истинный правитель» (*ван*) в управлении использует благую силу (*дэ*) и гуманность (*жэнь*), а «гегемон» (*ба*) «использует силу и пренебрегает гуманностью»¹⁴. Вдобавок, опыт США оказался наглядным примером успешного применения этой идеи на практике. Наконец, внешняя политика обеих стран всегда имела миссионерский характер. В США это выразилось в доктринах «явного предназначения» и «американской исключительности», в Китае — в идее «китаецентризма», который в той или иной форме присутствовал на всем протяжении истории страны.

Стремительное экономическое развитие, политические и социальные реформы, новый тон внешней политики, всплеск интереса к китайскому искусству, культуре и истории — все эти факторы серьезно повысили привлекательность страны в мире, и следовательно, дали мощный толчок процессу естественного наращивания «мягкой силы» КНР. С другой стороны, наличие проблемных вопросов, таких как нарушение прав человека, сравнительная закрытость китайского общества, а как следствие — недоверие к процессам, происходящим в Китае, поставили перед страной необходимость привлечения дополнительных внешнеполитических инструментов, которые позволили бы сделать процесс формирования имиджа более управляемым и ориентированным на достижение конкретных целей. Именно поэтому публичная дипломатия как важнейший инструмент наращивания и поддержания «мягкой силы» государства также оказалась в фокусе исследователей. Сам термин впервые был введен в 1965 г. Эдмундом Гуллионом, деканом Флетчерской школы права и дипломатии, в качестве замены слову «пропаганда». Сам Гуллион видел разницу между классической и публичной дипломатией в том, что публичная дипломатия, в отличие от традиционной, подразумевает взаимодействие государства не с правительствами, а с негосударственными институтами и даже частными лицами, изучает и корректирует общественное мнение в других странах в соответствии с потребностями своего государства. С процессом глобализации все сложнее четко разделить государственных и негосударственных акторов и сферы их ответственности, поэтому некоторые авторы предлагают более общее определение публичной дипломатии как «процесса по продвижению интересов и распространению ценностей в другой стране путем установления прямых контактов с ее населением»¹⁵, не уточняя, кто именно этим продвижением занимается. В то же время, китайские исследователи и политики все-таки склонны отделять государственную деятельность в отношении народов других стран от частной (общественной). В большинстве китайских работ деятельность частных лиц и общественных организаций по установлению дружеских контактов с иностранцами обозначается как «народная дипломатия». Этот вид взаимодействия КНР с народами других стран имеет долгую историю. Еще в 1971 г. знаменитая «пинг-понговая дипломатия» способствовала выходу Китая из международной изоляции. В настоящий момент «народной дипломатией» занимаются многочисленные общества дружбы, в частности крупнейшая из таких организаций — КНОДЗ (Китайское народное общество дружбы с заграницией). В сферу народной дипломатии входят такие мероприятия, как установление связей между городами-побратимами, организация региональных обществ дружбы, обмена театральными труппами и деятельность волонтеров¹⁶. И хотя независимость от государства таких организаций западному исследователю может показаться сомнительной, тем не менее, эту разницу в подходах необходимо учитывать.

Публичная дипломатия в действии

Основные задачи публичной дипломатии КНР сформулированы так, чтобы мероприятия в рамках данной политики дополняли и способствовали осуществлению основного политического курса: формированию имиджа страны, усилия которой в первую очередь направлены на улучшение жизни собственных граждан, позиционированию Китая как надежного экономического партнера и стабильного ответственного государства, деятельность которого направлена на поддержание мира и гармонии, привлечение внимания к уникальной древнейшей культуре страны¹⁷.

Как уже отмечалось, одна из основных проблем, которая является камнем преткновения при формировании позитивного имиджа, это огромное количество негативной информации о Китае в СМИ, научной литературе, сети Интернет. Несмотря на серьезные сдвиги в этой сфере (количество негативной информации уменьшилось с 60–70% в 1990-е до 40% в 2000-е гг.)¹⁸ проблема так называемой «демонизации» Китая остается крайне насущной. Это не удивительно, так как англоязычные ресурсы имеют более широкое распространение и доступны более масштабной аудитории. Особое недовольство в Китае вызывает тот факт, что западные СМИ, акцентируя проблемные вопросы в КНР, зачастую совершенно игнорируют позитивные изменения, которые, несомненно, тоже происходят в стране. По мнению китайских руководителей это происходит из-за господства стереотипов, недоверия и страха перед неизвестностью, поэтому информирование иностранной аудитории о Китае стало одной из первоочередных задач публичной дипломатии. Информационное бюро государственного совета КНР — ключевая структура в системе публичной дипломатии КНР. Оно не только отслеживает информацию о Китае, появляющуюся в иностранных и отечественных СМИ и Интернете, но и проводит на этой основе разъяснение политики, особенно по проблемным вопросам. Регулярно выпускаемые «Белые книги», многочисленные официальные выступления и интервью китайских чиновников различных уровней — результат продуманной стратегии поведения. Огромную роль в формировании нового стиля взаимодействия Китая с иностранными аудиториями сыграл ставший во главе информационного бюро в 1998 г. Чжао Цичжэн, которого в иностранной прессе не раз называли «создателем нового имиджа Китая» или «главным пиарщиком КНР»¹⁹. С приходом Чжао деятельность офиса перешла на новый уровень: резко увеличилось количество пресс-конференций, в частности на английском языке, китайские лидеры стали более доступными для иностранных журналистов. Все эти методы взаимодействия с иностранцами, совершенно естественные для западных политиков, стали прорывом для Китая.

Проводя политику более широкого информирования иностранной аудитории, Китай не только отслеживает негативные тенденции и реагирует на них, но по возможности старается играть на опережение. Повышение эффективности китайских СМИ на английском языке и тесное взаимодействие с иностранными средствами массовой информации — основные инструменты этого аспекта публичной дипломатии. Достаточно назвать Международное радио Китая (China Radio International) и канал CCTV, вещающие на различных языках, или новостное агентство Синьхуа, которое за последние годы стало настолько популярно, что превратилось в один из самых цитируемых источников новостей, наряду с Рейтером. Хотя, в отличие от Рейтера, Синьхуа не является независимой корпорацией, и вся информация агентства проходит строгий контроль правительства Китая, ссылки на сообщения данного агентства регулярно встречаются в работах исследователей. Что касается взаимодействия с иностранными СМИ, то и здесь Китай придерживается политики открытости: китайские лидеры участвуют в пресс-конференциях, дают интервью иностранным журналистам, журналисты, в свою очередь, за последние годы получили значительно больше возможностей для работы внутри страны и освеще-

ния различных аспектов политической, социальной и культурной жизни Китая. Даже различные образовательные передачи и фильмы о Китае сейчас на пике популярности.

В век информационных технологий невозможно не упомянуть и ресурсы Интернета, которые открывают широкое поле для деятельности по формированию имиджа. Государство выделяет крупные суммы денег для развития информационной сферы. В отчете Международного экономического форума по состоянию информационных технологий в 2001–2002 гг. Китай был на 64-м месте в мире, в 2005–2006 гг. уже на 50-м, а в 2010–2011 гг. на 36-м, опередив по этому показателю Италию, Бразилию, ЮАР и Россию²⁰. В сети существует огромное количество сайтов на английском и других языках, посвященных как Китаю в целом, так и специфическим темам, например, изучению китайского языка или вопросам политики страны. Отдельно можно выделить и китайских блоггеров, которые, хоть и пишут в большинстве своем на китайском языке, набирают всю большую популярность и цитируются на англоязычных сайтах, чем, безусловно, способствуют формированию нового имиджа Китая.

В этой связи нельзя недооценивать роль человеческого фактора в публичной дипломатии КНР. Участники на всех уровнях — от высокопоставленных лиц до студентов по обмену — играют в ней важную роль. Председатель КНР и премьер Госсовета КНР как ключевые фигуры внешней политики Китая играют важнейшую роль в формировании нового имиджа страны. По оценкам исследователей, количество их визитов в другие страны возросло за последние годы в четыре раза²¹. Интервью с журналистами, пресс-конференции и общение с простыми людьми стали неотъемлемыми пунктами программы визитов. Также Китай не «скупится» направлять высокопоставленных чиновников на различные локальные мероприятия. Автор работ по «мягкой силе» Китая Джошуа Курланчик приводит в качестве примера воспоминания одного американского посла в Юго-Восточной Азии, когда для участия в рабочей группе по разработке стратегии предотвращения цунами американская сторона послала представителя низкого уровня, в то время как от Китая прибыл высокопоставленный чиновник. Этот факт серьезно повлиял на всю атмосферу конференции²². В дипломатической среде также произошли серьезные изменения. По данным исследования 2005 г., более половины дипломатов — люди моложе 35 лет, которые не только отлично говорят на английском языке, но и на языке страны пребывания²³.

Аналогичная ситуация наблюдается и на бытовательском уровне. Студенческие обмены и туризм — отличная возможность для иностранцев пообщаться с китайцами вживую, а при продуманном подходе — эффективный инструмент публичной дипломатии. Ввиду различия культур, поведение и образ жизни среднестатистического китайца может показаться необычным для жителей западных стран. В связи с этим, Агентство по туризму КНР запустило общенациональную программу по информированию жителей о правилах поведения за границей²⁴. В свою очередь, огромное количество людей ежегодно приезжает в Китай учиться или отдыхать. В 2010 г. более 260 000 иностранных студентов из 194 стран мира приехали учиться в Китай. В пятерку стран, с наибольшим числом студентов, получающих образование в Китае, вошли Южная Корея, США, Япония, Таиланд и Россия, причем многие студенты изучают китайский язык с целью остаться работать в Китае²⁵. Молодых людей привлекают не только комфортные условия обучения и проживания, но и насыщенная культурная программа. Иностранные студенты проявляют огромный интерес к китайской каллиграфии, боевым искусствам, литературе, медицине, философии. По этой причине представляется вполне оправданным тезис большинства китайских исследователей о том, что именно китайская культура является неисчерпаемым ресурсом для наращивания «мягкой силы» страны и одним из базовых элементов публичной дипломатии. Приверженцы этой идеи полагают, что традиционная культура Китая способна привлечь не только азиатские, но и западные страны. Мирное развитие, стабильность и гармония — ценности китайской культуры, которые могут

стать универсальными наряду с западными. Некоторые ученые считают, что традиционные китайские ценности, такие как «совпадающее единство неба и человека» (*тянь жэнь хэ и*) и «гармония многообразного и несходного», трансформированные КПК в концепцию гармоничного общества и гармоничного мира, могут стать альтернативой западным ценностям, особенно при решении таких глобальных проблем, как бедность, экология и региональные конфликты²⁶. 24 октября 2002 г. Цзян Цзэминь в своей речи в США на открытии библиотеки имени Джоржа Буша-старшего отметил: «Гармония — залог развития и роста, различия — возможность дополнять друг друга. Это важное условия развития взаимоотношений и база для совместного развития разных цивилизаций»²⁷. Использование культуры в качестве мощнейшей составляющей «мягкой силы» демонстрируется китайскими исследователями на примере США. Профессор Фан Чанпин в этой связи отмечает, что даже при общем спаде «то, чем является Америка, ее суть» до сих пор является привлекательным продуктом, на этом базируется ее мощь»²⁸. Интересно, что китайские власти «популяризируют» китайскую культуру не только за рубежом, но и внутри страны. Чтобы уменьшить влияние западной культуры и образа жизни и возродить интерес к национальной культуре, популяризация китайского культурного и исторического наследия стала одним из приоритетных направлений внутренней политики КНР. Этот феномен даже получил название «культурный бум» (*вэньхуа жэ*)²⁹.

Распространение китайского языка как одного из аспектов культуры также является важной задачей публичной дипломатии. Ведущей организацией, деятельность которой направлена на «налаживание дружеских связей с другими странами и углубление понимания китайской культуры и языка среди изучающих китайский язык, является сеть институтов Конфуция. К концу 2010 г. в мире действовало 322 института Конфуция и 369 школ Конфуция в 96 странах мира³⁰. Кроме этого, ежегодно увеличивается количество средних и высших учебных заведений которые предлагают изучение китайского языка. По словам советника по делам образования посольства КНР в РФ Пэй Юйфан в настоящее время в 130 вузах России ведется преподавание китайского языка, в том числе более чем в 40 вузах китайский язык изучается как первый иностранный. Количество студентов и аспирантов, изучающих китайский язык, достигло 14,7 тыс. человек. Китайский язык изучается как основной иностранный язык в более чем 20 школах. Число школьников, изучающих китайский язык, превысило 11 тыс. человек.

Наконец, Китай активно использует и такой действенный инструмент публичной дипломатии, как организация международных мероприятий. За последние годы страна стал организатором крупнейших международных и региональных мероприятий: спортивных (Азиатские и Олимпийские игры), культурных (Всемирная выставка в Шанхае, Год Китая в России, культурные недели в Берлине), политических (саммит АТЭС, Международная конференция ООН по вопросам прав женщин) и т.д. Проведение такого рода мероприятий — это не только хорошая возможность еще раз заявить о себе как об активном члене мирового сообщества, но и продемонстрировать уровень развития страны, дать возможность иностранным гостям ощутить на себе «обаяние» Китая.

Многочисленные опросы общественного мнения показывают, что несмотря на наличие «проблемных» вопросов, образ Китая в мире за последние годы действительно улучшился. Благодаря тщательному отслеживанию настроений иностранной аудитории, разработке детальной и целенаправленной стратегии публичной дипломатии, Китаю удалось достичь значительных успехов в этой сфере. Возникает вполне закономерный вопрос — какова конечная цель такой активности КНР? Будет ли Китай дальше использовать инструменты публичной дипломатии лишь для обеспечения «мирного окружения», ради интересов развития страны, или же выйдет за эти пределы? В настоящий момент среди китайских исследователей единого мнения по этому вопросу нет. Приверженцы «оборонительного» характера использования публичной дипломатии полагают, «что китайская модель развития не сможет заменить западную, более того, слишком аг-

рессивное поведение в этом направлении скажется на отношениях с США и лишь усилит страх перед «китайской угрозой», а не развеет его»³¹. Вторая группа ученых исходит из того, что китайская модель развития должна быть «экспортирована», а страны сами могут решить, какую модель развития выбрать». Например, Ян Цземьянь, директор Шанхайского института международных исследований, трактует роль Китая в изменяющейся международной системе следующим образом: «сейчас для Китая главнейший вопрос состоит в том, как сформировать «набор ценностей с китайской спецификой», внедрить их в международную систему и сделать китайскую модель привлекательной для развивающихся стран»³².

В действительности можно наблюдать, что экономические и политические успехи Китая, повышение статуса страны значительно повлияли на самосознание китайцев. Если раньше либеральная демократия признавалась «идеалом», к которому необходимо стремиться, то теперь это уже не является непреложной истиной, наоборот — трудности при попытках подстроиться под западные стандарты уже рассматриваются не как изъяны государства, а как несостоятельность этих самых стандартов. Действительно, после Второй мировой войны все международные институты, да и вся система международных отношений была сконструирована западными странами на основе их представлений об универсальных ценностях. Идея о том, что те страны, которые не вписываются в эту систему, являются ущербными, стала аксиомой в международных отношениях. Вполне естественно, что такие декларируемые Китаем принципы, как невмешательство во внутренние дела, уважение политического выбора, бесцельное равенство сторон, привлекают многие страны.

История не раз доказывала, что прогнозировать развитие международных отношений сложно, даже опираясь на, казалось бы, очевидные тенденции. Многочисленные исследования последних лет пророчат либо наступление «века Китая», либо неизбежный спад в его развитии. Сейчас с уверенностью можно сказать одно: после долгого периода пребывания на периферии мировой политики у Китая появился реальный шанс стать одним из центров силы формирующегося многополярного мира и он его упускать не намерен. Тщательность и прагматичность, с которой китайские лидеры подходят к формированию стратегии внешней и внутренней политики, подтверждают серьезность подхода, а продуманная публичная дипломатия становится эффективным инструментом достижения политических целей. Мировая система находится в процессе трансформации, и стремление КНР занять в ней достойное место является вполне естественным. Поэтому другим участникам международных отношений необходимо принимать в расчет это обстоятельство и продумывать соответствующую ситуации стратегию своего поведения в отношениях с Китаем.

1. Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 13, вып. 3. С. 103.
2. Leonard M. What does China think? PublicAffairs. New York, 2008. P. 5.
3. Kurlantzick J. Charm Offensive. How China's Soft Power is Transforming the World. Yale University Press, 2008. P. 40.
4. Aoyama R. China's Public Diplomacy. Waseda University, 2007. P. 6.
5. Сун Цян, Чжан Цянциан, Цяо Бянь. Чжунго кэи шо бу [Китай может сказать нет]. Пекин: Чжунхуа гуншан лянхэ чубаньшэ, 1999.
6. Hu Jintao delivered a speech at a meeting in Beijing on Saturday marking the 60th anniversary of the victory of the Chinese People's War of Resistance Against Japanese Aggression and the World Anti-fascist War. Beijing, 03.09.2005. URL: <http://www.china.org.cn/english/2005/Sep/140771.htm>.
7. Written Speech by Hu Jintao at the High-level Plenary Meeting of the United Nations' 60th Session. New York, 15.09.2005. Сайт МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t1213091.htm>.

8. An Open Mind for Win-Win Cooperation. Speech by H.E. Hu Jintao President of the People's Republic of China At the APEC CEO Summit. Busan, 17.11.2005. Сайт посольства КНР в ЮАР. URL: <http://www.chinese-embassy.org.za/eng/zt/energy/t248059.htm>.
9. China's African Policy. Beijing, 12.01.2006. URL: http://english.peopledaily.com.cn/200601/12/eng20060112_234894.html.
10. *Nye J. S. Jr.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1991. P. 1.
11. Там же.
12. *Ломанов А.В.* Роль культурного наследия в формировании облика Китая за рубежом // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии/ ред.-сост. Б.Г. Доронин. СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т, 2011. С. 76.
13. Духовная культура Китая: Энциклопедия. В 5 т. / под ред. М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. С. 161.
14. Там же. С. 365.
15. *Melissen J.* The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan. 2005. P. 5.
16. *Чэнь Хаосу.* Миньцзянь вайцзяо лунь [Дискуссия о народной дипломатии]. 21.04.2004. URL: http://news.xinhuanet.com/video/2004-04/21/content_1431894.htm.
17. *Hoohge I.* The Rise on China's Public Diplomacy Netherlands institute of international relations Clingendael, the Hague, 2007. P. 93.
18. Там же. P. 18.
19. Dialogue between nations. Speeches by Zhao Qizheng. Beijing: Foreign languages press, 2009. P. 1.
20. *Кривохиж С.В.* Указ. соч.
21. *Saunders P.* China's Global Activism: Strategy, Drivers, and Tools. National Defense University Press. Washington D.C. 2005, P. 22. URL: <http://www.ndu.edu/inss/symposia/pacific2006/saunders.pdf>.
22. *Kurlantzick J.* Op. cit. P. 67.
23. Там же. P. 65.
24. China campaigns for improved travel etiquette. URL: <http://www.newsgd.com/travel/travelnews/200704280027.htm>.
25. Number of foreign students in China rise in 2010. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2011-03/04/c_13760778.htm.
26. *Li Mingjiang.* Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect // S. Rajaratnam School of International Studies. Singapore. 2008. URL: www.rsis.edu.sg/publications/WorkingPapers/WP165.pdf.
27. Speech by President Jiang Zemin At George Bush Presidential Library. Texas, 24.10. 2002. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/3719/3721/t19082.htm>.
28. *Fang Changping.* Comparison of Chinese and US Soft Power and its implications for China // Shijie Jingji Yu Zhengzhi. 2007. 1 Juli.
29. *Доронин Б.Г.* «Культурный бум» (вэньхуа жэ) в КНР на рубеже XXI в. // Материалы IX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История современность, перспективы». М., 1998.
30. Introduction to the Confucius Institutes. URL: http://college.chinese.cn/en/article/2009-08/29/content_22308.htm.
31. *Glaser B.* Soft power with Chinese characteristics: the ongoing debate // Chinese soft power and it's implications for United States. A report for CSIS Smart Power Initiative. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf.
32. *Ян Цземьянь.* Гайгэ кайфан 30 нянь чжунго вайцзяодэ чэнцзю [Успехи китайской дипломатии за 30 лет реформ и открытости]. 13.11. Beijing, 2008. P. 46.